

Article No. 293

DOI: <https://doi.org/10.26881/srg.2023.10.04>

Artykuł badawczy / Research article

Dziedzina nauk humanistycznych / Humanities

Dyscyplina naukowa: literaturoznawstwo / Discipline of science: literary studies

Copyright © 2023 SRG and S. Padsasonny¹

Citation:

Padsasonny, S. (2023). Польский исторический контекст рассказа «Скверный анекдот» Ф.М. Достоевского. *Studia Rossica Gedanensia*, 10: 59–69. DOI: <https://doi.org/10.26881/srg.2023.10.04>

Padsasonny, S. (2023). Połskij istoričeskij kontekst rasskaza “Skvernyj anekdot” F.M. Dostoevskogo. *Studia Rossica Gedanensia*, 10: 59–69. DOI: <https://doi.org/10.26881/srg.2023.10.04>

ПОЛЬСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ РАССКАЗА СКВЕРНЫЙ АНЕКДОТ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

SIARHEI PADSASONNY

Uniwersytet Warszawski / University of Warsaw

Wydział Lingwistyki Stosowanej / Faculty of Applied Linguistics

Instytut Lingwistyki Stosowanej / Institute of Applied Linguistics

ul. Dobra 55, 00-311 Warszawa, Polska / Dobra St., 55, 00-311 Warsaw, Poland

Corresponding Author e-mail: s.padsasonny@uw.edu.pl

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9527-7878>

(nadesłano / received 15.08.2023; zaakceptowano / accepted 30.09.2023)

Abstract

The Polish historical context of F.M. Dostoevsky’s “A Nasty Story”

F.M. Dostoevsky’s *A Nasty Story* is considered through the prism of the historical situation in Poland in the 19th century, which was important in the political life’s drama of that era; in particular: the loss of statehood, the struggle for freedom, and later – the

¹ This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0 <https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/>) which permits use, distribution, and reproduction in any medium, provided that the article is properly cited, the use is non-commercial, and no modifications or adaptations are made. Publisher: University of Gdańsk. Faculty of Languages [Wydawca: Uniwersytet Gdański. Wydział Filologiczny].

impact of the abolition of serfdom by the tsar's decree of 1861, as well as the further related events. The author takes the colonial approach in relation to this literary work. The specifics of human life in the conditions of the political dependence are considered. The ideas of humanity appear to be a certain fiction in the reality of statehood. The historical background, preceding the uprising of 1863–1864, becomes an illustration of the discontent of the subject peoples. This leads to a completely new way of reading the story.

Key words: history, serfdom, uprising of 1863–64, Dostoevsky, colonialism, humanity, “Polish question”.

Резюме

Рассказ *Скверный анекдот* Ф.М. Достоевского рассмотрен через призму исторической ситуации эпохи, которая имела важное значение в драме политической жизни Польши XIX века. Речь идет об утрате государственности, борьбе за свободу, а позже – влиянии отмены крепостного права царским указом 1861 года, а также о дальнейших событиях, с этим связанных. В материале осмыслен колониальный подход применительно к данному произведению. Рассмотрена специфика жизни человека в условиях политической зависимости. Идеи гуманности предстают определенной фикцией в реалиях государственности. Фон, предшествующий восстанию 1863–64 гг., становится иллюстрацией недовольства подчиненных народов. А в данной статье – это новый ключ к прочтению рассказа.

Ключевые слова: история, крепостное право, восстание 1863–64 гг., Достоевский, колониализм, гуманность, «польский вопрос».

Рассказ *Скверный анекдот (Несчастный случай – в черновиках)* Ф.М. Достоевский писал в 1861–62 гг. (опубликован в 1862 году в № 11 журнала «Время»), но в дальнейшем нанес правки при подготовке переиздания в 1865 году. Как заметили комментаторы к *Полному собранию сочинений: в 30 томах*, в произведении писатель «коснулся вопросов, оживленно обсуждавшихся в русской публицистике того времени в связи с отменой крепостного права» (Достоевский 1973: V: 353). Данное событие выступает фоново и фрагментарно, однако, на наш взгляд, имеет ключевое значение при рассмотрении историзма рассказа. Далее же проступающий в сюжете польский исторический контекст позволяет выйти на «польский вопрос» писателя в самом широком смысле, а анализируемое произведение прочитать еще и через призму колониализма.

Время действия в рассказе разворачивается в драматическом моменте истории Польши, которая более полувека до этого формально прекратила свое существование как государство в прежнем виде – после трех разделов Речи Посполитой в 1772, 1793, 1795 гг.; а также пережила поражение освободительного

восстания 1830–31 гг. О «риторическом освоении Польши» в русской литературе этого периода пишет американская литературовед и славист с польскими корнями Эва М. Томпсон в своей работе *Imperial Knowledge: Russian Literature and Colonialism* (2000), где рассматривает движение русской литературы в направлении формирования имперских посылов и идеологии – более или менее осознанно (Томпсан 2009).

Ранее проблема жанра рассказа *Скверный анекдот* анализировалась в литературоведческих работах, например, через фольклорную традицию, в которой прослеживались параллели бытовой сказки и народного анекдота с более поздним литературным анекдотом, а Ю.И. Юдин приходит к выводу:

В своей критике либерализма Достоевский не останавливается на полпути. Его диагноз новомодной эпидемии либеральной гуманности оказывается не только беспощадным в нравственном отношении, но и вполне конкретным в социальном плане. Либерализм представляется цветком, привитым к старому крепостническому бюрократическому стеблю (Юдин 1991: 64).

Исследователь также обратил внимание на смысловые параллели в материале *Остроумный бюрократ. Его мнение о наших либералах и европейцах* в январском *Дневнике писателя* за 1881 год. Герой публицистики через двадцать лет после реформы 1861 года замечает, что «от вековых привычек отучаться трудно, а если хотите, то и не надо, особенно в таком основном и великом национальном деле» (Достоевский 1984: XXVII: 29). Автор-публицист заключает, что «не согласился в душе» с этим утверждением, но видит в нем «грустную правду». В данном взгляде проявляется консервативный подход. Строгость вырисовывается как основа самодержавия российской государственности, абсолютизма еще со времен правления Ивана III, зарождения идеи о Москве как «Третьем Риме» и позднейшем ее развитии. Борис Акунин, рассматривая этот период в *Истории Российского Государства*, отмечает ужесточение в методах правления: «Тоталитарная власть не совместима с понятием о каких-то незыблемых правах подданных, кем бы они ни были» (Акунин 2023а: III: 84). В дальнейшем данное явление станет тенденцией, проходя волнообразное усиление или ослабление вплоть до современной России. Не может это не отражаться и в литературе, которая становится своеобразным результатом либо инструментом колониализма. Эва М. Томпсон отмечала, что писатели, как Пушкин или Достоевский, чувствовали обязанность «оскаливаться» на тех, кто в должной мере не относился уважительно к Российской империи (Томпсан 2009: 136).

Герои рассказа оказываются в пореформенной ситуации выбора между старым и новым, что заключено уже в первом предложении: «Этот скверный анекдот случился именно в то самое время, когда началось с такою неудержимою силою и с таким трогательно-наивным порывом возрождение нашего любезного отечества и стремление всех доблестных сынов его к новым судьбам и надеждам» (Достоевский 1973: V: 5). Главный герой Иван Ильич Пралинский в начале будто бы выступает сторонником «новых порядков», в которых видят основу для «больших колебаний» и к которым скептически относятся два других генерала – Степан Никифорович Никифоров и Семен Иванович Шипуленко.

Пралинский же в споре с ними предстает человеком прогрессивных взглядов, считается «отчаянным либералом», развивает идеи «гуманности» и «человеколюбия», на чем можно реализовывать реформы, о которых он горячо рассуждает, а «обновляющаяся Россия подала ему вдруг большие надежды» (Там же: 7). Однако гуманность в историческом процессе оказывается ложным явлением: император Александр II (1818–1881 гг.; время правления: 1855–81 гг.), вошедший в историю как «царь-освободитель», не оправдал надежд в полной мере, и, как признает даже официальная российская историография, «реформа имела половинчатый характер»:

Она была сложным компромиссом между государством и всем обществом, между двумя основными сословиями (помещиками и крестьянами), а также между различными общественно-политическими течениями. Процесс подготовки реформы и ее реализация позволили сохранить помещичье землевладение, обрекли российских крестьян на малоземелье, нищету и экономическую зависимость от помещиков (Орлов, Георгиев, Георгиева, Сивохина 2019: 369).

Двойственность, ставшая чертой поэтики Достоевского, выступает и характерной особенностью главного героя рассказа. Наблюдая за связями с творчеством Н.В. Гоголя в рассказе, Г.В. Степанова останавливается на характеристике героя через семантику его фамилии: «Она образована от французского слова *praline* (миндаль, поджаренный в сахаре. – Наблюдение А.М. Ремизова). Пралинский вроде бы „сладкий“ – мягкий, гуманный, либеральный, а внутри он „горький“ – жесткий, совсем не гуманный и не либеральный» (Степанова 1987: 168). Герой выступает не просто персонажем художественного пространства, но и иллюстрацией исторических процессов и их осмысления. Ложные надежды и обещания скрывали «грабительский характер реформы» (Арлоу 2012: 249). Уже на этапе подготовки царский манифест 1861 года, как видно и из рассказа Достоевского, вызывал горячие общественные споры, но документ не оправдал «больших надежд» в последующем. Именно это стало одной из предпосылок национально-освободительного движения в дальнейшем. Борис Акунин, описывая «зарождение конфликта между Государством и Обществом в эпоху реформ и контрреформ (1855–1894 гг.)», замечает: «Так российское правительство сделало для себя неприятное открытие: гласность – штука опасная, дай ей палец – откусит руку. Особенно государственных мужей встревожил восторг, с которым опасные идеи впитывало юношество, прежде всего студенты и гимназисты» (Акунин 2023b: VIII: 61). Аргументация Пралинского о гуманности звучит неубедительно для других персонажей и читателя, его квинтетические реплики напоминают многословных Гамлета или Чацкого, трагических в своей основе из-за оторванности от реальности. Достоевскому этого мало и он проводит своего героя через эксперимент-испытание, что получает художественное завершение в романе *Преступление и наказание*. Под бой часов звучит фраза Никифорова: «Не выдержим» (Достоевский 1973: V: 9); и это постановка конфликта сюжета, когда Пралинский решает пройти собственный путь и доказать обратное. И тут же, будто вскользь, писатель упоминает мысль героя о Шипуленко: «Холоп!»; а далее о собственном кучере он отзывается как о «каналье»,

«мошеннике», «мерзавце» и делает вывод: «Подлец народ!» (Там же: 9–10) – всё это уже обесценивает все его предыдущие идеи о человеколюбии. При этом Пралинский продолжает: «Гуманность... человеколюбие. Возвратить человека самому себе... возродить его собственное достоинство и тогда... с готовым материалом приступайте к делу»; и далее: «И вот человек меня понимает с двух слов: человек мой, человек уловлен, так сказать, сетями, и я делаю с ним всё, что хочу, то есть для его же блага» (Там же: 11). В данных репликах гуманность выступает инструментальным явлением для подчинения масс, что однозначно коррелирует с идеологическими установками царской России того периода; более того, в данной «гуманности» просматривается опасная подоплека тоталитарных систем XX века, что на уровне метажанра антиутопии проявило себя в наследии писателя и было реализовано как жанр в ряде произведений других авторов мировой литературы (Евгений Замятин, Олдос Хаксли, Джордж Оруэлл и пр.). Данная имперская идея озвучена Достоевским позже в *Дневнике писателя* за июль и август 1876 года через представление подчинения народов Россией как ее мессианизма:

Мать-Россия новых родных деток нашла, и раздался ее великий жалобный голос о них. И именно деток, и именно материнский великий плач, и опять-таки политическое великое указание в будущем, заметьте это себе: «мать их, а не госпожа!» И хоть бы даже и случилось так, что новые детки, не понимая дела, – на одну минутку, впрочем, – возроптали бы на нее: нечего ей этого слушать и на это глядеть, а продолжать благотворить с бесконечным и терпеливым материнством, как и должна поступать всякая истинная мать (Достоевский 1981: XXIII: 101–102).

Здесь у Достоевского ярко проявляется панславизм с Россией в центре. При этом совершенно речь не идет о воле других народов и их потребностях. Так и в контексте рассказа слова Пралинского о гуманизме выступают лишь риторическими фигурами, когда, по его признанию, «с вечеру наболтаешь, а на завтра раскаишься», а это и метафора историко-политических процессов эпохи.

Пралинский, после длительных раздумий и размышлений, решает зайти на свадьбу своего подчиненного, чиновника Пселдонимова, но это не просто демонстрация гуманизма, ставшего мотивом рассказа, а желание выдержать испытание новой идеи. При этом герой не забывает ни на мгновение, что эти люди и он – «это разница. Земля и небо» (Достоевский 1973: V: 14). Как хозяин жизни, он отталкивает собачку на своем пути, попадает ногой в галантур – и входит в чуждый ему мир подчиненных. Сразу же между ним и присутствующими «очищалось открытое пространство», которое напоминает непреодолимую пропасть, а «Пселдонимов тем временем мог только молчать и трепетать от благоговения» (Там же: 17); и далее: «Он слушал и смотрел, как лакей, стоящий с шубой в руках и ожидающий окончания прощального разговора своих господ» (Там же: 20).

Столкнувшись с людьми не своего круга, их нравами, бытовой «народностью», мировоззрение Пралинского проходит диалектику трансформации в противоположном направлении. Распространившаяся сплетня, что гость «под шефе», на момент стирает границу между ним и другими персонажами,

которые начинают вести себя естественно и развязно, но это не делает их своими: «Как же это? То пятились, а тут вдруг так скоро эманципировались! Кажись бы, и ничего, но как-то странен был этот переход: он что-то предвещал. Точно совсем они и забыли, что есть на свете Иван Ильич» (Там же: 27). Хотя Пралинский все еще пытается рассуждать о «современном назначении России в числе прочих европейских держав», теоретические представления героя неизменно выступают ложной гуманностью, которая скрывает настоящие драмы иных персонажей (Пселдонимова, его матери, семьи Млекопитаевых): «Когда он входил, он, так сказать, простирает объятия всему человечеству и всем своим подчиненным; и вот не прошло какого-нибудь часу, и он, всеми болями своего сердца, слышал и знал, что он ненавидит Пселдонимова, проклинает его, жену и его свадьбу» (Там же: 28).

Через образ столоначальника Акима Петровича Зубикова писатель раскрывает отдаленность чиновника из Петербурга от понимания жизни всей страны. В этом и символический смысл непонимания властью жизни обычного человека. Достоевский проводит черту между «петербургским русским» и «настоящим русским». Именно эти два мира сталкиваются в попытке компромисса царской реформы. В то же время это случай, когда нет возможности удовлетворить потребности и желания обеих сторон.

Пралинский решает спасти ситуацию отчужденности, заговаривая «о вопросах, о реформах, о величии России». Алкогольное опьянение «возвращает» герою чувство любви к чуждым персонажам, но только усугубляет его положение. Он произносит пьяную речь: «Россия переживает, по моему глубочайшему убеждению, гу-гуманность...» (Там же: 32). На речь Пралинского о самоунижении открыто реагирует сотрудник сатирического журнала «Головешка»:

Да, вы пришли, чтоб похвалиться гуманностью! Вы помешали всеобщему веселью. Вы пили шампанское и не сообразили, что оно слишком дорого для чиновника с десятью рублями в месяц жалованья, и я подозреваю, что вы один из тех начальников, которые лакомы до молоденьких жен своих подчиненных! Мало того, я уверен, что вы поддерживаете откупа... (Там же: 34).

Дальнейшее физическое падение Пралинского – художественная иллюстрация краха его псевдоидей. Продолжением выступает метатекстуальное повествование биографии Пселдонимова, который, пытаясь вырваться из нищеты, выбирает путь закрепощения новой жены. Ее отец Млекопитаев, «страшный самодур, пьяница, домашний тиран», из ненависти решает выдать дочь замуж за Пселдонимова. Последний же соглашается на неравный брак, понимая, что будущая жена «к нему питает отвращение» и вовсе поглядывает на офицера. Так писатель изображает цикличность старых устоев, которые не разрушаются, а укрепляются новым поколением.

Генерал становится препятствием для брачной ночи молодоженов, причиной стыда Пселдонимова перед всем семейством жены, что только еще больше разводит в разные стороны людей не своего круга. В рассказе происходят неустанные попытки их сближения, но неизменно появляются обстоятельства, препятствующие этому. Всё это говорит об изначальной чуждости и невоз-

можности соединения, что подчеркивается и своего рода мезальянсом, когда даже ночь после свадьбы не становится счастливой: «Развалина брачного ложа и опрокинутые стулья свидетельствовали о бренности самых лучших и вернейших земных надежд и мечтаний» (Там же: 41). Импровизированное брачное ложе представляет собой руины семейства, которое еще даже не сформировалось; а на настоящем брачном ложе спит пьяный Пралинский, оскверняющий его последствиями расстройтва желудка. Это и есть финальное проявление его «гуманности» к подчиненному.

Сначала герой испытывает безмерное чувство стыда, но: «Потом ему приходили мысли, что и это вздор и что при усиленной строгости с подчиненными всё дело еще можно поправить» (Там же: 43). В результате Пралинский приходит к убеждению, что желание либерального поведения, через которое хотел быть ближе к людям низших чинов, ведет лишь к компрометации, а поэтому приходит к заключению: «Нет, строгость, одна строгость и строгость!» (Там же: 45).

Историческая перспектива такой «строгости» известна по результатам восстания 1863–64 гг., вошедшего в российскую официальную историографию как «Польское восстание» и впоследствии жестоко подавленного царскими войсками. Попытки либерализации не выдерживает ни герой, ни власть, ибо она зиждется на ложных убеждениях о гуманности. При этом реформы на разных уровнях становятся импульсом, как заметил Борис Акунин: «Но вскоре началась всероссийская либеральная „оттепель“, достигшая польских пределов. По амнистии вернулись ссыльные и политэмигранты, ослабили строгости, осмелела пресса, и Польша стала просыпаться» (Акунин 2023b: VIII: 160–161). Армейский призыв радикально настроенной молодежи стал лишь предпосылкой восстания, которое было неизбежным в сложившихся условиях. Царская власть избирает путь на подавление бунта, придерживаясь той самой «строгости», что проявило себя и в последующей политике, направленной на приостановку автономии Царства Польского:

«Царство» упразднили. Отныне этот регион именовался Привисленским краем и приравнивался к территории остальной России. Административно он делился на десять обычных губерний, и всё делопроизводство в них русифицировалось. Привилегии для этнических поляков и разрешение на использование национального языка, дарованные при Константине Николаевиче, отменялись. Преподавание в школах могло вестись только по-русски. Одним словом, горе побежденным (Там же: 169).

И поскольку сам рассказ появился до восстания, следует подчеркнуть, что его содержание и выводы относительно либеральных взглядов героя выступают не только предупредительным фактором для политики империи, но и пророческим предчувствием писателя.

Само же противостояние властям через восстание заключает в себе не только идеологическое сражение за свободу, но экономическую и правовую составляющую желаний лучшей жизни низов, что нашло фрагментарное отражение и в рассказе. Последнее, однако, в свете колониальной идеологии не всегда учитывается, что и будет одним из тех контекстов, которые появятся позже в *Дневнике писателя* Достоевского при обращении к «польскому вопросу». Восстание

внутри империи выходит у писателя на межнациональный конфликт. Это подкрепляют и личные мотивы: после публикации статьи Н.Н. Страхова о польско-русских отношениях *Роковой вопрос* в апрельском номере за 1863 год журнала «Время», издательским редактором которого был брат писателя Михаил Достоевский, издание закрывают власти, мотивируя это антиправительственным тоном публикации о «польском вопросе»; Михаил Михайлович с семьей остаются без средств существования, вскоре он внезапно заболевает и умирает (10 (22) июля 1864 г.). Еще в письме И.С. Тургеневу 17 июня 1863 года Ф.М. Достоевский писал из Петербурга об этой ситуации, заключая, что «эта польская хваленая цивилизация носила и носит смерть в своем сердце» (Достоевский 1985: XXVIII: 34). Восстание, демонстрирующее антиимперские настроения, убеждало приверженцев государственной политики, как в результате и героя рассказа *Скверный анекдот* Пралинского, в необходимой «строгости». Рассуждая о государственнике, публицисте и издателе М.Н. Каткове, литературовед Л.И. Сараскина заключает:

1863 год, обнаруживший множественные признаки неблагополучия империи и ставший символом опасности для монархии («польская измена», «интриги шляхты»), дал импульс для оформления новой идеологии, «очистившей», по мнению Каткова, общественную и государственную жизнь от либеральных иллюзий конца пятидесятых – начала шестидесятых годов (Сараскина 2006: 81).

В данной публикации литературовед обратила внимание на то, что центральный персонаж романа *Бесы* Николай Ставрогин даже мог участвовать в подавлении восстания, хотя еще в начале произведения в литературном салоне его матери велась дискуссия о «восстановлении Польши по Днепр, о крестьянской реформе и прокламациях» (Достоевский 1974: X: 22). В данном контексте диалектика души героя в рассказе *Скверный анекдот* выступает отражением трансформации взглядов общественной жизни эпохи (от либерального послабления и сочувствия до ограничений и запретов), в которой берет активное участие и сам писатель.

Не обошел данную тему и польский литературовед Анджей де Лазари в монографии *В кругу Федора Достоевского. Почвенничество*, в которой писал о Н.Н. Страхове, М.Н. Каткове, о восстании и «польском вопросе». Так, исследователь замечал:

Восстание 1863 г. вызвало новую волну шовинистических антипольских выступлений, в которых ведущую роль играл редактируемый Михаилом Катковым «Русский вестник». Антипольское настроение стало официальным патриотическим долгом каждого русского, и мало кто отваживался хотя бы между строк оправдывать сражавшихся поляков, не говоря уже о том, чтобы открыто, как Александр Герцен, поддержать повстанцев (Лазари 2004: 82).

Освободительное движение оккупированных народов официально и с позиций российского имперского патриотизма воспринималось как угроза национальным интересам, поэтому «строгость», обозначенная в рассказе писателя, представляла мировоззренческим принципом, влияющим на сохранение империи. Здесь и биографическая трансформация самого Достоевского, который за

антиправительственные взгляды проходит через эшафот, помилование и каторгу. Н.О. Лосский, прослеживая это изменение миропонимания писателя, отметил:

Достоевский на каторге осудил в себе это нравственное извращение души, и раскаяние его естественно сочеталось с углублением религиозной жизни и усилением в ней влияния образа Христа. Сюда присоединился еще один фактор: общение с народом, в душе которого преклонение перед царскою властью имело религиозную окраску (Лосский 1953: 77).

Писатель становится активным участником общественной жизни, читает публицистику, пишет статьи, выезжает за границу, реформу 1861 года воспринимает с надеждой. Именно поэтому последующее восстание видится им как действие негативное. Н.О. Лосский заключал:

Польское восстание, начавшееся в январе 1863 г., еще более оттолкнуло Достоевского от западной цивилизации и привлекло его внимание к роли католицизма в развитии ее. Как это обыкновенно происходит в человеческой душе в подобных случаях, поворот к православию начался у Достоевского не с усмотрения положительной ценности своей Церкви, а с отталкивания от чужого вероисповедания, именно от католицизма (Там же: 81).

Важной причиной реформ и последующего восстания становится их элитарное осмысление и некоторое непонимание сущности самим народом. В своей исторической публицистике В.И. Новодворская делает традиционно для нее радикальное утверждение: «Трагедией стало освобождение крестьянства, фактически против его воли, без всяких аплодисментов с его стороны, под вопли: зачем нам это нужно?!» (Новодворская 2015: III: 206). Если обратиться к рассказу *Скверный анекдот*, то мы видим, как либеральные действия Пралинского вызывают в низах недоумение, непонимание, даже смех. Он предстает прообразом князя Мышкина из *Идиота*, когда общество оказывается не готовым к бескорыстным идеалам добра. Но Пралинский не приходит к убеждению о евангельской жертвенности до конца, только выбирает кардинально иной путь, заключенный в «строгости». Здесь, вероятно, сказывается опыт Достоевского как участника жизни эпохи. А для Достоевского-публициста данная ситуация не требует понимания снизу, когда «акт добра» совершается сверху, что также сформулировано в идеологии антиутопических персонажей писателя. Пиком проявления данной метафизики, безусловно, выступает Великий инквизитор в одноименной главе *Братьев Карамазовых* (Достоевский 1976: XIV: 224–241).

Итак, историзм процесса реформ второй половины XIX века является фоном рассказа *Скверный анекдот* Ф.М. Достоевского. Общественный спор эпохи выступает основой конфликта сюжета произведения, в котором центральный герой проходит через испытание своих идей. Либеральность, которая изначально выглядит искусственной, предстает как явление, чуждое имперской жизни. «Строгость», к которой приходит персонаж, заключает повсеместное отношение к народу (в самом широком смысле) внутри империи. Результатом становится недовольство и восстание, что выводит исторический контекст рассказа на «польский вопрос» у писателя, для которого это еще и личная драма, а также мировоззренческий конфликт. Все данные особенности позволили осуществить новое прочтение произведения и раскрыть его неявные колониальные смыслы.

Bibliografia / References

- Akunin, B. (2023a). *Istoriâ Rossijskogo Gosudarstva. Ot Ivana III do Borisa Godunova. Meždu Evropoj i Aziej*. Boris Akunin. eBook Applications LLC [Акунин, Б. (2023). *История Российского Государства. От Ивана III до Бориса Годунова. Между Европой и Азией*. Борис Акунин. eBook Applications LLC].
- Akunin, B. (2023b). *Istoriâ Rossijskogo Gosudarstva. Car'-osvoboditel' i car'-mirotvorec. Lekarstvo dla imperii*. Boris Akunin. eBook Applications LLC [Акунин, Б. (2023). *История Российского Государства. Царь-освободитель и царь-мироворвец. Лекарство для империи*. Борис Акунин. eBook Applications LLC].
- Arloŭ, U. (2012). *Kraïna Belarus'. Ilûstravanââ gîstoryâ*. Bracislava: KALLIGRAM [Арлоў, У. (2012). *Країна Беларусь. Ілюстрованаâ гісторыя*. Браціслава: KALLIGRAM].
- Dostoevskij, F.M. (1973). *Polnoe sobranie sočinenij: v 30 tomah*. Leningrad: Nauka [Достоевский, Ф.М. (1973). *Полное собрание сочинений: в 30 томах*. Ленинград: Наука].
- Dostoevskij, F.M. (1974). *Polnoe sobranie sočinenij: v 30 tomah*. Leningrad: Nauka [Достоевский, Ф.М. (1974). *Полное собрание сочинений: в 30 томах*. Ленинград: Наука].
- Dostoevskij, F.M. (1976). *Polnoe sobranie sočinenij: v 30 tomah*. Leningrad: Nauka [Достоевский, Ф.М. (1976). *Полное собрание сочинений: в 30 томах*. Ленинград: Наука].
- Dostoevskij, F.M. (1981). *Polnoe sobranie sočinenij: v 30 tomah*. Leningrad: Nauka [Достоевский, Ф.М. (1981). *Полное собрание сочинений: в 30 томах*. Ленинград: Наука].
- Dostoevskij, F.M. (1984). *Polnoe sobranie sočinenij: v 30 tomah*. Leningrad: Nauka [Достоевский, Ф.М. (1984). *Полное собрание сочинений: в 30 томах*. Ленинград: Наука].
- Dostoevskij, F.M. (1985). *Polnoe sobranie sočinenij: v 30 tomah*. Leningrad: Nauka [Достоевский, Ф.М. (1985). *Полное собрание сочинений: в 30 томах*. Ленинград: Наука].
- Lazari, A. de (2004) *V krugu Fedora Dostoevskogo. Ročvenničestvo*. Moskva: Nauka [Лазари, А. де (2004). *В кругу Федора Достоевского. Почвенничество*. Москва: Наука].
- Losskij, N.O. (1953). *Dostoevskij i ego hristianskoe miroponimanie*. N'û-Jork: Izdatel'stvo imeni Čehova [Лосский, Н.О. (1953). *Достоевский и его христианское миропонимание*. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова].
- Novodvorskaâ, V.I. (2015). *Moj Karfagen obâzan byt' razrušen*. V: Novodvorskaâ, V.I. *Izbrannoe: v 3 t*. Moskva: Zaharov: 5–286 [Новодворская, В.И. (2015). *Мой Карфаген обязан быть разрушен*. В: Новодворская, В.И. *Избранное: в 3 т*. Москва: Захаров: 5–286].
- Orlov, A.S., Georgiev, V.A., Georgieva, N.G., Sivohina, T.A. (2019). *Istoriâ Rossii*. Moskva: Prospekt [Орлов, А.С., Георгиев, В.А., Георгиева, Н.Г., Сивохина, Т.А. (2019). *История России*. Москва: Проспект].
- Saraskina, L.I. (2006). *Pol'skaâ kramola i «Katehizis revolûcionera»*. *Tajnyj sled voennoj kar'ery Nikolaâ Stavrogina*. V: Saraskina, L.I. *Dostoevskij v sozvuciâh i pritâženiah (ot Puškina do Solženicyna)*. Leningrad: Russkij put': 76–94 [Сараскина, Л.И. (2006). *Польская крамола и «Катехизис революционера»*. *Тайный след военной карьеры Николая Ставрогина*. В: Сараскина, Л.И. *Достоевский в созвучиях и притяжениях (от Пушкина до Солженицына)*. Ленинград: Русский путь: 76–94].
- Stepanova, G.V. (1987). «Skvernyj anekdot» (*Dostoevskij i Gogol'*). V: Fridlender, G.M. (Red.). *Dostoevskij: materialy i issledovaniâ*. Т. 7. Leningrad: Nauka: 166–169 [Степанова, Г.В. (1987). «Скверный анекдот» (*Достоевский и Гоголь*). В: Фридлиндер, Г.М. (Ред.). *Достоевский: материалы и исследования*. Т. 7. Ленинград: Наука: 166–169].
- Tompsan, È.M. (2009). *Pesnâry impery: rasijskaâ litaratura i kalaniâlizm*. Mînsk: Medysont [Томпсан, Э.М. (2009). *Песняры империи: расийская литература и каланиялизм*. Мінск: Медысонт].

- Ūdin, Ū.I. (1991). «*Skvernyj anekdot*» *Dostoevskogo v svete fol'klornoj tradicii*. V: Fridlender, G.M. (Red.). *Dostoevskij: materialy i issledovaniâ*. T. 9. Sankt-Peterburg: Nauka: 56–65 [Юдин, Ю.И. (1991). «Скверный анекдот» Достоевского в свете фольклорной традиции. В: Фридлиндер, Г.М. (Ред.). *Достоевский: материалы и исследования*. Т. 9. Санкт-Петербург: Наука: 56–65].

Competing interests: The author declares that he has no competing interests.